

Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае: (Письма миссионера): [В. В. Горского к родителям и А. В. Горскому: предисловие ред., письма I–II, III, 30 мая, IV, 1839 г.] // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 5. С. 225–239 (3-я пагин.). (Начало.)

СТРАНИЦА

изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ.

(Письма миссіонера).

У незабвеннаго ректора Московской Духовной Академіи, Протоіерея Александра Васильевича Горскаго, былъ младшій братъ Владиміръ, поступившій въ число студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1837-мъ году, когда его старшій братъ, Александръ Васильевичъ былъ уже бакалавромъ Академіи Московской. Владиміръ Васильевичъ былъ юноша талантливый, трудолюбивый, пылкій и энергичный, подававшій въ будущемъ весьма большія надежды. Въ началѣ 1839-го года въ Петербургѣ, при такъ называемомъ Азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, организовалась православная миссія для отправленія въ Китай, при чемъ рѣшено было, между прочимъ, пригласить въ составъ этой миссіи нѣсколькихъ студентовъ Петербургской духовной Академіи для научныхъ занятій по изученію Китая. Владиміръ Васильевичъ восторженно ухватился за мысль посвятить себя этому дѣлу, употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы быть принятымъ въ составъ миссіи, и старанія его увѣнчались успѣхомъ. Испросивъ согласіе и благословеніе родителей и брата, выдержавъ особый экзаменъ въ академіи и употребивъ нѣсколько мѣсяцевъ на специальную подготовку къ предстоящему дѣлу, онъ, въ Январѣ 1840-го года, двинулся въ желанный путь и къ концу этого года былъ уже въ Китаѣ. Пламенно преданный своей идеѣ, онъ взялся за ея осуществленіе со всею силою юношескаго увлеченія. Онъ мечталъ поработать во всю мѣру силъ своихъ и совершить для науки великія дѣла. Очень можетъ быть, что, при своемъ талантѣ и энергіи, онъ въ большей или меньшей степени и осуществилъ-бы свои мечты; но Господь судилъ

иначе. По условіямъ миссіи, Владиміръ Васильевичъ долженъ былъ прослужить въ Китаѣ десять лѣтъ, но ему не удалось дожить до конца этого срока. Пробывъ въ Пекинѣ всего только шесть лѣтъ, онъ въ конецъ разстроилъ свое здоровье. Отъ дурныхъ-ли вліяній климата и непривычныхъ условій жизни, или отъ чрезмѣрнаго труда, онъ получилъ чахотку, которая весною 1847-го года и свела его въ могилу на далекой чужбинѣ.

За эти немногіе годы сохранились письма Владиміра Васильевича къ его родителямъ въ Кострому и брату въ Сергіевъ посадъ. Въ нихъ, можно сказать, вся его краткая исторія и, въ частности, вся исторія его подвига, начиная съ того момента, когда онъ съ страстною мольбой впервые обращался къ своимъ родителямъ, сообщая имъ о своемъ намѣреніи пуститься въ дальній путь и умоляя объ ихъ согласіи, и оканчивая тѣми горькими днями, когда онъ, уже умирающій, слабою рукою чертилъ, лежа на смертномъ одрѣ своемъ, послѣднія прощальныя строки тѣмъ же дорогимъ его сердцу людямъ, испрашивая ихъ благословенія уже на тотъ путь, съ котораго нѣтъ возврата. Письма написаны такъ живо, такъ умно, представляютъ такой прекрасный матеріалъ для характеристики ихъ автора и сообщаютъ столько разнообразныхъ свѣдѣній о всемъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ, что многими прочтутся, безъ сомнѣнія, съ большимъ интересомъ. Редакція Богословскаго Вѣстника, получивъ эти письма отъ уважаемой племянницы Владиміра Васильевича, Ольги Петровны Г-жи Салмаповой, считаетъ долгомъ выразить ей свою глубокую благодарность.

Письма печатаются съ подлинныхъ рукописей, при чемъ редакція позволяетъ опускать изъ нихъ лишь очень немногія строки, имѣющія совершенно семейный характеръ. Въ-место обычныхъ начальныхъ воззваній, предъ каждымъ письмомъ будетъ лишь означаться, кому оно адресовано. Заключительныя подписи писемъ будутъ также опущены. *Ред.*

I.

Къ родителямъ.

Вы еще въ первый разъ получите отъ меня страховое письмо и Вамъ должны показаться странными такіа пред-

осторожности касательно цѣлости и сохранности моего письма; но когда все прочтаете, то легко поймете, къ чему все это клонится! Да! мнѣ очень нужно,—чтобъ мое письмо дошло до Васъ и какъ можно скорѣе и какъ можно вѣрнѣе; но еще нужнѣе, чтобы я получилъ отъ Васъ самый скорый,—непремѣнно съ первою же почтою, отвѣтъ. Отъ Вашего письма,—отъ Вашего *да* или *нѣтъ*—зависитъ то или другое направленіе моей жизни, — блистательная ли участь въ будущемъ,—или самая ограниченная вилами и надеждами жизнь какого нибудь Иркутскаго или Жировицкаго Профессора.

Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ я писалъ Вамъ, что было требованіе изъ нашей Академіи—студентовъ для занятія іеромонашеской и іеродіаконской вакансій при Пекинской Миссіи. Правда, я не думалъ и не думаю отправляться въ эту миссію подъ черною ряскою, и клобукомъ; впрочемъ я и тогда страшивалъ Васъ,—какъ Вы думаете о миссіяхъ? но я тогда не получилъ никакого отъ Васъ рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ мой: могу ли я ѣхать, свѣтскимъ человѣкомъ, въ какую нибудь миссію,—если бы мнѣ открылось средство попасть въ число Посольской свиты. Теперь я снова повторяю вопросъ этотъ, потому что мнѣ теперь открылся случай быть въ числѣ миссіонеровъ, назначаемыхъ въ Китай, и не подъ чернымъ крепомъ, но подъ видомъ ученаго, сопровождающаго миссію, подъ видомъ изучающаго Китайскій языкъ и литературу. Начальникомъ Китайской миссіи назначенъ одинъ изъ іеромонаховъ нашей Академіи, который назадъ тому года четыре былъ въ миссіи, но по разнымъ неудовольствіямъ съ прежнимъ Архимандритомъ, начальникомъ прожняго Русскаго Посольства въ Китаѣ, онъ возвратился въ Петербургъ, доканчивать курсъ свой Академическій и теперь снова посылается въ Китай, но уже Архимандритомъ, и главою Посольства. Азиатское общество, членомъ и Президентомъ котораго Самъ Императоръ, дало ему право самому избрать лицъ, достойныхъ того, чтобы участвовать въ миссіи, которые съ успѣхомъ, пользою и честію могли бы заниматься учеными трудами. О. Полякарпъ (такъ зовутъ его) предложилъ избрать для того — студентовъ и притомъ Петербур. Академіи. Общество одобряетъ его предложеніе.

Теперь онъ избираетъ изъ насъ, кто пожелаетъ, и кто можетъ трудиться на этомъ славномъ поприщѣ; скоро прислано будетъ изъ Азіатскаго департамента и требованіе желающихъ поступить въ составъ миссіи. Охотниковъ будетъ много; но выборъ будетъ зависѣть отъ одного О. Поликарпа. Онъ избралъ троихъ, двоихъ—старшихъ и одного изъ младшихъ; но послѣдній, по семейнымъ обстоятельствамъ, едва ли поступитъ въ число миссіонеровъ: па его попеченіи сиротствующая мать съ семействомъ. О. Полкарпъ, услышавши, что я хотѣлъ бы поступить въ число миссіонеровъ, съ радостью готовъ принять меня на мѣсто сомнительнаго кандидата, даже предпочесть меня другимъ искателямъ этой чести; готовъ употребить всѣ средства, чтобы только взять меня съ собою. Не думайте, чтобы я упрашивалъ его, нѣтъ! Ему самому хочется, чтобы я отправился съ нимъ; я только одинъ разъ предложилъ ему, и то безъ просьбы; я только спросилъ его, не будетъ ли у него мѣста и для меня. Онъ самъ сталъ хлопотать обо мнѣ; ходилъ нарочно къ о. Іакинѣу, чтобы при его содѣйствіи меня, одиннадцатаго, присоединить къ требуемымъ 10. Даже, если ему нужно будетъ ограничиться только 10 человеками, то и въ такомъ случаѣ я попаду въ урочное число. Теперь, мнѣ осталось только просить Вашего благословенія, умолять Васъ, чтобы Вы устроили счастье мое! Да, ѣхать въ миссію для меня было бы большимъ счастьемъ! Я представляю предъ Вами только самыя вѣрныя выгоды, которыя непременно будутъ наградою моихъ трудовъ. Эти выгоды двухъ родовъ—ученыя и гражданскія.

1) *Посредствомъ изученія Китайскаго языка я могу приобрѣсть себѣ славу ученаго, извѣстность въ мірѣ Европейскомъ.* Китайская литература доступна только для Русскихъ, потому что одни Русскіе имѣютъ тѣсное сношеніе съ Китайцами, для другихъ же Европейскихъ ученыхъ нѣтъ никакихъ средствъ проникнуть въ Поднебесную Имперію и на самомъ мѣстѣ изучать ихъ Религію, ихъ литературу, исторію, политическое устройство. Весь ученый міръ, послѣ изгнанія изъ Китая Іезуитовъ, всѣми свѣдѣніями своими обязанъ однимъ Русскимъ. Отъ того Русскіе хинологи приобрѣли себѣ величайшее уваженіе въ Европѣ. О. Іакинѣъ посредствомъ изученія Кит. литературы обез-

смертиль свое имя; сдѣланъ почетнымъ членомъ Петербургскаго, Лондонскаго, Парижскаго Азіатскихъ обществъ, и получаетъ большія выгоды и преміи отъ всѣхъ этихъ обществъ. Думаете ли Вы, что и мнѣ, если я буду усердно заниматься этими предметами, отказано будетъ въ Европейской извѣстности? Для знаменитости ориенталиста не нужно гениальнаго ума; нужны только усердіе и добросовѣстность. Надѣюсь, что того и другаго во мнѣ есть достаточное количество! Слава ученаго есть самая чистая слава! О! я съ охотою, я со всею юношескою пылкостью предаюся бы этому прекрасному занятію! я увѣренъ, что такимъ путемъ могу прославить себя не въ одномъ отечествѣ! Не думайте, что это мечты 20-лѣтняго юноши; дайте мнѣ свободу: я осуществлю ихъ! Да! Папинька, я осуществлю ихъ! дайте мнѣ только свободу! Тогда какая радость будетъ для Вашего родительскаго сердца прижать ко груди своего сына, достойнаго Васъ! Тогда честь будетъ для меня, для Васъ, для нашей Академіи, для нашего отечества, которое одно имѣетъ знаменитыхъ хинологовъ. Труды О. Іакинава извѣстны всему ученому міру, переводятся на разные Европейскіе языки! *Во вторыхъ: предо мною откроется цѣлый міръ Восточный* съ его повѣрьями, его бытомъ, его жизнію, его языками; я буду изучать его не изъ мутныхъ источниковъ, но изъ самого родника; не изъ однихъ переводовъ, которыхъ такъ еще мало,—но изъ самыхъ подлинниковъ, изъ самой жизни народа. Здѣсь предо мною откроется и его исторія и его Религія, и его политическое нынѣшнее устройство! Я буду изучать языки: Китайскій, Манджурскій, Монгольскій, Тибетскій! Для изученія ихъ я долженъ прибѣгать къ прежнимъ руководствамъ Англійскимъ, Нѣмецкимъ, Французскимъ, Португальскимъ; такъ образомъ, я самымъ лучшимъ образомъ ознакомлюсь еще съ Европейскими языками! Въ Китаѣ для меня откроются средства изучать языкъ Санскритскій, который въ продолженіи цѣлыхъ двухъ Академическихъ годовъ всегда привлекалъ мое вниманіе и съ которымъ я до сихъ поръ, но недостатку источниковъ, не могъ ознакомиться. Тогда въ рукахъ моихъ будутъ средства опровергать неоспоримыми фактами тѣхъ злыхъ Европейскихъ ученыхъ, которые все выводятъ изъ Индіи, которые, пользуясь общимъ невѣдніемъ, хотятъ изъ

Индіи вывести и самую Хр. Религію. Какое обширное поприще для любознательности! Сколько средствъ быть полезнымъ для Отечества! Не думайте, что изученіе этихъ языковъ было бы слишкомъ тягостно. Напротивъ, изученіе языковъ Востока, на самомъ мѣстѣ ихъ, легко; свидѣтельствомъ тому О. Іакинъ, нашъ О. Поликарпъ, который въ продолженіи 5 лѣтъ пребыванія въ Китаѣ такъ изучилъ ихъ, что прекрасно говорить по Китайски, Манчжурски, Монгольски, читаетъ Тибетскія, понимаетъ Санскритскія книги! Правительствомъ приставленъ къ каждому миссіонеру, Китайскій учитель, съ которымъ нетрудно и безъ особыхъ усилій можно изучить языки!

3) *Передо мною открывается поприще литературное, поприще журналиста.* Правительство для того и позволило О. Поликарпу избирать студентовъ Академіи, что отъ нихъ, болѣе нежели отъ воспитанниковъ другихъ заведеній, ожидается пользы въ трудахъ журнальныхъ. Всѣ наши замѣчанія, всѣ наши статьи будутъ печататься въ Петербургѣ на счетъ Государя; изъ нашихъ трудовъ составитъ новый журналъ, который будетъ наполненъ нашими статьями, который будетъ собственно нашимъ журналомъ. Этотъ журналъ разойдется по всей Россіи, будетъ извѣстенъ въ Европѣ, и какой нибудь нѣмецкій ученый прочтетъ изысканія *В. Горскаго*. Само собою разумѣется, что намъ предоставлены будутъ большія выгоды (т. е. денежная плата) за наши труды. Императору угодно всѣми средствами поддерживать въ Россіи восточное языкознаніе. Вотъ выгоды перваго рода, выгоды самыя блистательныя, для которыхъ можно съ радостью пожертвовать всѣми трудами. Для нихъ я готовъ изучать все! Скучно итти дорогою золотой посредственности! Ужели Богъ намъ отказалъ въ средствахъ возвыситься надъ другими.

Теперь выгоды втораго рода! Я отправляюсь въ миссію студентомъ, сл. въ 14 классѣ; но, по положенію о посольствахъ, за то, что я отправляюсь въ миссію заграничную, мнѣ дають теперь же 12 класса. Черезъ четыре года я получаю повышеніе черезъ чинъ, именно 10 класса и вмѣстѣ право на *родовое дворянство* (это уже слишкомъ важно). Черезъ другіе 4 года—8 класса, потомъ, по приѣздѣ въ Россію, тотчасъ же 7-й классъ; а прослуживши

здѣсь четыре года, я уже въ 6 классѣ. Такъ образомъ я черезъ 16 лѣтъ получаю то, что нынѣ чрезъ 25 лѣтъ получилъ прекрасный, заслуженный Профессоръ нашъ Карповъ. Кромѣ этого всѣ члены миссіи получаютъ ордена, такъ что каждый свѣтскій чиновникъ или ученый въ продолженіи своего пребывания въ Китаѣ получить по крайней мѣрѣ два ордена, примѣръ тому у меня передъ глазами. Г. Леонтьевскій, одинъ изъ свѣтскихъ чиновниковъ прежней миссіи, не отличившій себя ничѣмъ особеннымъ, не имѣвшій даже особенной протекціи, теперь въ 5 классѣ и увѣшанъ орденами. Если кто пріѣхавши въ Россію хочетъ итти по ученой части, то онъ можетъ занять каѳедру Восточ. языковъ въ университетѣ. Такъ Гавріиль занимаетъ теперь въ Казанскомъ университетѣ профессорскую каѳедру Китайскаго языка. Миссіонеры находятся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Самого Императора: слѣд. тутъ пропсковъ и несправедливости не можетъ быть. Безъ Его распоряженія, насъ ни судить, ни награждать не могутъ.

Къ этимъ выгодамъ надобно присоединить еще выгоды *денежныя*. Еслибы я поѣхалъ въ Китай, еслибы я даже ничего не дѣлалъ тамъ, то и тогда я сталъ бы получать слишкомъ три тысячи рублей въ годъ ¹⁾; но этотъ окладъ можетъ возвышаться, смотря по степени и важности трудовъ моихъ, можетъ достигать до 6, до 7 т. рублей и болѣе. Сверхъ того это жалованье, когда я выживу опредѣленный терминъ миссіи, обратится мнѣ въ посмертный пенсіонъ! Кто изъ Профессоровъ получаетъ такой окладъ, и кто изъ нихъ можетъ получить такую пенсію? Самимъ Архіереямъ, уволеннымъ на покой, даютъ пенсію только въ 2,000 рублей. При такихъ выгодахъ, при такихъ блистательныхъ видахъ, которые открываются мнѣ, можно ли мнѣ не желать поступленія въ Миссію. Будете-ли Вы, Панепька и Маменька, останавливать Вашего сына, не позволять Ему итти тѣмъ прекраснымъ поприщемъ, которое открывается предъ нимъ? Нѣтъ! любезнѣйшіе Панепька и Маменька, Вы слишкомъ любите Вашего сына; Вы не захотите лишить его такого счастья! Вы благословите меня на дѣло благое! Съ Вашего благословенія, съ молитвою ко

¹⁾ Притомъ—содержаніе казенное.

Всевышнему, съ сердечною благодарностію къ Вамъ, съ лестными надеждами на будущее въ Китаѣ и въ Россіи, я лечу на Востокъ, лечу для того, чтобъ всѣ плоды своихъ трудовъ съ признательностію повергнуть къ Вашимъ ногамъ. Я откровенно говорю Вамъ, что меня влечетъ туда жажда *знанія*, для котораго открывается самый обильный, неисчерпаемый, и самый занимательный, недоступный для другихъ, міръ; меня влечетъ туда жажда *извѣстности*, самый вѣрный путь достигнуть ея — Китай! жажда быть полезнымъ для другихъ! А выгоды для меня кажутся не слишкомъ заманчивыми; для нихъ я не поѣхалъ бы на Востокъ! Я ѣду въ Китай изъ высшихъ, благороднѣйшихъ побужденій.

Но путешествіе въ Китай имѣетъ свои и невыгоды, скажете Вы. Правда Ваша: мы посмотримъ и на невыгоды! Во 1) *удаленіе отъ родины!*—*отъ Васъ!* Да, это самая важная невыгода! Но, кто поручится, что я, оставшись въ Петербургѣ доканчивать курсъ, не разлучусь съ Вами, и можетъ быть на всегда? Развѣ не могутъ заслать въ Иркутскъ, или въ какую нибудь Польскую Провинцію? Развѣ легко будетъ въ такомъ случаѣ—свиданіе съ Вами? Ив. Матвѣичъ вмѣсто Костромы и Москвы пошелъ въ Одессу. Когда-то онъ еще увидится съ своими родными? Правда, что тамъ это одиночество облегчается письмами. Но я и изъ Пекина, если не три, то по крайней мѣрѣ два раза въ годъ могу посылать Вамъ цѣлый журналъ моей жизни. *Тоска по Васъ*. Правда, нельзя будетъ сначала не скучать! Но двухъ-лѣтняя разлука и меня съ Вами, и Васъ со мною должна приучить насъ къ терпѣнію. Васъ утѣшитъ любезнѣйшій братецъ, милая сестрица, крошечка Сашинька, меня—мысль быть въ послѣдствіи утѣшеніемъ, опорой для Васъ! Со мною будутъ мои товарищи, почти всѣ знакомые; одинъ изъ нихъ для меня самый близкій въ Академіи человекъ, другъ мой, который всегда утѣшалъ меня въ минуты скорби! меня развлекутъ ученые занятія! *Долгий срокъ миссіи, 10 лѣтнее пребываніе въ Китаѣ, и двухъ-лѣтняя дорога назадъ и впередъ*. Но, спрошу Васъ, думаете ли, что и по окончаніи курса, занявши какое нибудь отдаленное отъ Васъ мѣсто, могъ бы скорѣе видѣться съ Вами? и какъ сладостно увидѣться послѣ такой

долгой разлуки! Притомъ, прежде нежели отправлюсь въ Китай, я съ начала Ноября до начала Генваря могу прожить у Васъ: но на вакацію я уже не могу быть, я здѣсь долженъ буду заниматься по Китайски! Вы боитесь *климата Китайскаго*? но климатъ тамъ самый благоприветливый; правда, отъ 1 Юля по 15 Авг. тамъ несносно жарко, но мы тогда удалимся въ горы, гдѣ прохладнѣе, нежели у насъ лѣтомъ. Ни одинъ миссіонеръ не жаловался на вредное вліяніе климата. Тамъ нѣтъ ни заразы, господствующей въ Турціи, ни удушливыхъ Аравійскихъ вѣтровъ. Страшитесь *непріязненности Китайской*? Но, напротивъ, они дорого цѣнятъ дружбу Рускаго Царя; еще никогда никто изъ Рускихъ миссіонеровъ не подвергся никакому оскорбленію. *Опасности пути*? Но насъ, какъ Пословъ, провожаютъ казаки до самаго Пекина и китайскіе стражи съ музыкаю... Однимъ словомъ невыгоды несравненно мало-значительнѣе выгодъ! Вы мнѣ повторите, что хвалю чужую сторону, ...что.. славны бубны за горами. Правда Ваша, что чужбина имѣетъ много непріятностей; я самъ это испыталъ, но и самъ же испыталъ, что чужая сторона научить тому, чего никогда не найдешь дома! Вездѣ есть и худая и добрая сторона! *Вамъ жалко разставаться со мною*? Но вспомните, какъ Вы оплакивали меня, когда я ѣхалъ въ Петербургъ, вспомните, какъ Вы противились моему желанію, и однакожь въ послѣдствіи сами сознавались, что напрасно хотѣли удержать меня, что все было къ лучшему. И здѣсь править мною Промыслъ! слѣд. все къ лучшему. Довѣрьтесь Его святому водительство, онъ утѣшитъ Васъ и поможетъ мнѣ. Кто заботится о воробѣ, ужели не позаботится и обо мнѣ? Не плачьте же, маменька! Слезы Ваши Господь осушитъ своими милостями! Богъ помощникъ мой и защитникъ мой! Кого убоюсь!.. Итакъ, благословите меня на дѣло благое! Осуществите мои планы! Они не плодъ минутной вспышки, но плодъ постояннаго размысленія! Теперь открылся только поводъ осуществиться имъ!—Въ двадцать лѣтъ, полный жизнью и силою, я выполню ихъ. Въ самомъ цвѣтѣ мужества, если благословить меня Господь, я явлюсь передъ Вами и буду весь Вашъ! Итакъ благословите меня! Отъ Васъ зависитъ мое да или нѣтъ! Или осуществите мои мечты, или разрушьте ихъ, разбейте

въ прахъ; я съ покорностію предаюсъ Вашей волѣ. Но припомните, маменька, что Вы рѣшасте судьбу Вашего сына; что отъ одного Вашего слова зависить удовлетвореніе Его благородныхъ желаній, блистательныхъ видовъ, или потеря надежды, разрушеніе прекрасныхъ, весьма сбыточныхъ плановъ! Нѣтъ, я увѣренъ, что Вы, Папенка и Маменька, съ родительскою Вашею любовью скажете—да! Какъ бы то ни было, я съ будущею же почтою долженъ отъ Васъ получить отвѣтъ, потому что, по истеченіи двухъ какихъ нибудь недѣль, наше дѣло должно быть внесено къ Императору. Не предоставляйте мнѣ одному рѣшать моей судьбы. Для меня это будетъ тяжело. Папенка, рѣшите да или нѣтъ, рѣшите, какъ говорится, на отрѣзъ!—Съ этою же почтою я посылаю такое же письмо и къ братцу. Думаю, что оно прійдетъ въ пору.

II.

Къ родителямъ.

Я не могу дождаться Вашего письма; не знаю, что Вы отвѣтите мнѣ хотя и угадываю Вашу отвѣтъ! Новое письмо мое къ Вамъ—новая просьба моя—не разрушать того прекраснаго міра, который я создаю для себя, не разстраивать плановъ моихъ, которые теперь тѣсняются въ душѣ моей, которые овладѣли мною, и которые такъ обольстительны своими плодами, такъ возможны для осуществленія. Не думаю, не могу повѣрить, чтобы Вы рѣшились подорвать самое основаніе, на которомъ, при помощи Божіей, я хочу построить свою дѣятельность, свое счастье. Не жалко-ли будетъ Вамъ лишить меня любимой драгоценной мечты, которую я могъ бы воплотить, выполнить, и осчастливить себя? Но крайней мѣрѣ для меня будетъ слишкомъ горько—навсегда разстаться съ плѣнительными видами, которые въ самыхъ яркихъ краскахъ теперь раскрываются предо мною. Тѣмъ прискорбнѣе будетъ такое разочарованіе, что оное совершится рукою Вашею,—Вами, въ комъ для меня заключенъ весь родственный міръ мой, все дорогое моему сердцу! О! если бы я могъ передѣлить всѣ чувстваванія мои,—если-бы Вы теперь взглянули на меня,—если-бы

Вы переговорили со мною, вѣрьте, Вы не стали-бы противиться моему желанію, Вы благословили-бы меня на поприще, избранное мною! Да, Вы никогда-бы не сказали: это мечты; мечты пылкаго, но не благоразумнаго юноши; это минутная вспышка молодого человѣка; какъ быстро родилась она, такъ быстро и исчезнетъ. Пѣтъ! это не мечты, это не мгновенное воодушевленіе; это слѣдствіе постоянного стремленія моего духа—туда, далеко,—въ край чужбины! Давно я говорилъ себѣ эти золотыя слова: желанное вдали! Вѣрь небу! Жди смиренно!

Еще когда я былъ дома,—еще когда былъ я ребенкомъ,—я уже хотѣлъ быть далеко отъ родины; мнѣ грустно было оставаться неподвижнымъ на одномъ мѣстѣ. Пѣсколько разъ я слышалъ отъ Васъ, Маменька, какъ братецъ съ сестрицей, еще въ младенчествѣ, прокатывались отъ одного города до другого, и мнѣ горько становилось, что я одинъ долженъ сидѣть дома; часто я спрашивалъ самого себя: когда же я разстанусь съ Костромю? Но долго, долго—не открывался желанный случай! Въ первый разъ, когда я вмѣстѣ съ братцемъ отправился въ Москву, въ первый разъ открылась предо мною чужая сторона и въ самыхъ заманчивыхъ образахъ. Съ какою радостію я выслушалъ слова о Инспектора, когда онъ при всѣхъ объявилъ мнѣ, что, по назначенію Владыки, я долженъ отправиться въ Петербургъ. Съ радостію, съ восторгомъ я летѣлъ съ этою вѣстію домой; я рассказалъ ее Вамъ, Паненька и Маменька! и вмѣстѣ того, чтобы слышать отъ Васъ согласіе на такоо избраніе, я увидѣлъ слезы на глазахъ Вашихъ, Маменька, я услышалъ неодобреніе изъ устъ Вашихъ, Паненька! Вы не въ Петербургъ, а въ Москву снаряжали меня; но мнѣ ни за что не хотѣлось отказаться отъ выбора; я уже видѣлъ Москву, я былъ у Троицы; мнѣ казалось, что, если я буду въ Московской Академіи, то уже не скоро вырвусь отсюда. Петербургъ, городъ чисто Европейскій, манилъ меня къ себѣ; я хотѣлъ видѣть новый міръ для меня; я думалъ (и не ошибся) найти здѣсь болѣе средствъ осуществить свое стремленіе и...потому-то я рѣшился ѣхать Петербургъ! Но, я не силахъ былъ одинъ, безъ посторонней помощи, достигнуть моего желанія. Три

раза я ходилъ къ о. Іоанну, говорилъ ему, что мнѣ очень хочется ѣхать въ Петербургъ, но, что меня едва ли отпустятъ; я просилъ его, чтобы онъ, если можетъ, меня послалъ бы непременно въ нашу академію. Къ счастью, Владыка самъ ли по себѣ, или узнавши отъ Инспектора мое желаніе, довершилъ то, чего не въ силахъ былъ я сдѣлать. Съ слезами объ Васъ и родинѣ, съ радостію о достиженіи своего желанія, я оставилъ Кострому, и, кажется, на всегда. По крайней мѣрѣ, я чувствую, что едва ли мнѣ жить въ Костромѣ такъ, какъ прежде жилъ я въ ней. Здѣсь въ Петербургѣ мое стремленіе приняло характеръ большей отчетности и опредѣленности. Я хотѣлъ видѣть чужое, чтобы изучать его, чтобы обогатить себя знаніями и опытами и чтобы, образовавши себя, сдѣлать что нибудь прочное славное для меня. Для осуществленія этой цѣли я хотѣлъ поступить въ Институтъ, чтобы пуститься въ вояжъ по Европѣ. Но лишившись надежды быть въ Европѣ, я обратился къ Азіи. Надежда быть въ Китаѣ мерцала предомною; я зналъ, что будутъ требовать въ миссію студентовъ, но потребовали монаховъ. Но я не лишился надежды быть въ миссіи, я заранѣе спрашивалъ у Васъ отвѣта, и мои ожиданія сбылись! Теперь я у цѣли своихъ желаній, теперь я могу осуществить три прекрасныя мечты,—быть оріенталистомъ, ученымъ и литераторомъ, быть извѣстнымъ, быть полезнымъ для отечества; три мечты, которыя влекутъ меня на Востокъ. Одинъ шагъ впередъ, одно слово Ваше—и я пойду той стезею, которой такъ долго искалъ. И Вы, Паненька и Маменька, оторвете ли меня отъ предмета моихъ желаній? Скажете ли мнѣ съ холодностію: пооди прочь, мы приказываемъ тебѣ; иди не туда, куда тебѣ хочется, куда ведетъ тебя внутренній голосъ твой, а куда мы хотимъ? Скажете ли Вы мнѣ такъ? Скажете ли, что я только мечтатель? Вы можете сказать это, но не разувѣрите меня; Вы можете приказать мнѣ; я повинуюсь Вашимъ словамъ; но вы не погасите моего стремленія, оно никогда не потухнетъ! Чѣмъ больше будетъ препятствій, тѣмъ сильнѣе пламень его, тѣмъ тягостнѣе мнѣ будетъ бороться съ нимъ. Но для чего тушить это священное пламя? Для чего заставлятъ меня идти на перекоръ самому себѣ? Какова должна быть эта борьба? Замѣните ли мнѣ что нибудь тѣ прекрасныя планы, которые,

съ благословенія Божьяго и Вашего, я надѣюсь осуществить? Вы скажете: велики пожертвованія для исполненія моего намѣренія, по можно ли чего нибудь возвышеннаго достигнуть безъ жертвованій? Вы скажете мнѣ, что я изъ прихотливой мечтательности жертвую любовію къ родинѣ, къ Вамъ? О! не обижайте меня такою мыслию! Видитъ Богъ, какъ дорога для меня родина,—какъ горячо люблю Васъ. Часто съ слезами я вспоминаю о Костромѣ. Но развѣ я навсегда, совершенно оставляю родныхъ? Я ѣду въ далекій край, но всегда буду жить съ Вами духомъ, сердцемъ; ѣду изъ любви къ родной славѣ, ей припесу все плоды трудовъ своихъ; для нея пожертвую лучшими годами своей жизни. Знаю, что и я и Вы будемъ часто плакать, но эти слезы сладостны; это бальзамъ для сердца, лучшая пища для души! Кто не плакалъ ими, тотъ не жилъ духомъ, тотъ не способенъ къ благородному и возвышенному. Эти слезы не изнуряютъ насъ, но живятъ; соединяйте ихъ только съ надеждою, а надеждъ, надеждъ много! Благословите же меня на путь избранный мною, указанный мнѣ Промысломъ. Для этого я пишу къ Вамъ свое письмо; о. Поликарпъ убѣдилъ меня писать къ Вамъ, обѣщавъ ждать самоскорѣйшаго отвѣта на мое второе письмо. Пишу и къ Братцу и надѣюсь, что убѣдилъ его.

Вотъ Вамъ еще кой что. Открываютъ въ Пет. Университетѣ кафедры языковъ: Тибетскаго, Китайскаго, Монгольскаго; мѣста эти обѣщаны новоотправляемымъ миссіонерамъ, а теперъ займутся только временными наставниками. Жалованья болѣе, нежели сколько писалъ я: 650 рѣльковыхъ, и 500 рѣльковыхъ на столъ, сверхъ того деньги экипажныя и жалованье миссіонерамъ отъ Китайскаго двора. Съ іюля мѣсяца по новый годъ намъ выдадутъ по 1000 рублей, а тамъ пойдетъ полный окладъ и двойные прогоны.

Не пишите страховаго письма, простое скорѣе дойдетъ до меня. Панишите немедленно, иначе будетъ уже поздно.

III.

Это письмо писано къ брату, Александру Васильевичу, 30-го мая. Оно содержитъ въ себѣ повтореніе того-же, что было писано къ родителямъ, а потому печатаніе его сполна представляется излишнимъ. Заслуживаютъ вниманія лишь

тѣ горячія воззванія, которыми Владиміръ Васильевичъ его заключаетъ, а именно:

Братецъ, не разрушайте-же моихъ плановъ,—помогите мнѣ совершить то, что мнѣ хочется, пишите скорѣй домой, убѣждайте Папенку и Маменьку—благословить меня. Вашъ совѣтъ въ этомъ дѣлѣ слишкомъ важенъ! Я надѣюсь на Васъ, добрый братецъ, надѣюсь, вы не оставите брата Вашего, который, со слезами, проситъ Вашей помощи. О. Поликаръ говоритъ мнѣ, что онъ подождетъ и втораго письма Вашего,—только присылайте его какъ можно скорѣе.

Братецъ, братецъ, не удерживайте меня здѣсь,—дайте мнѣ свободу, я осуществлю свои мечты, только дайте мнѣ свободу. Что значать 10 лѣтъ разлуки,—въ сравненіи съ тѣмъ, къ чему стремлюсь я, и чего надѣюсь и достигнуть. Азія для меня будетъ ключемъ въ Европу.—Вотъ предъ Вами исповѣдь сердца моего. Да отзовется же Ваше сердце — на голосъ сердца моего, и утѣшитъ

Вашего Владиміра.

IV.

Къ брату.

Долго вы не получали отъ меня письма; причины такого молчанія—и экзамены, — и неизвѣстность моей судьбы, и то, что до сихъ поръ не могъ ничего сказать Вамъ о Вашихъ книгахъ. Теперь я могу отвѣчать на всѣ эти три пункта. Начну съ себя. Буду ли я въ Пекинъ? Не знаю!—Я получилъ три письма изъ дома; — и результатъ всѣхъ этихъ писемъ, что Папенка съ Маменькой благословляютъ меня въ дальнюю дорогу. О, какъ я благодаренъ имъ! Второе письмо ихъ — слишкомъ поразило меня. Здѣсь предомно раскрылась вся борьба ихъ родительской любви съ моимъ желаніемъ: имъ хотѣлось и удовлетворить моему желанію и—не хотѣлось отпустить меня въ такую даль. По полученіи письма, три дня я ходилъ въ недоумѣніи, не зналъ—на что рѣшиться:—во мнѣ самомъ была ужасная борьба; уже я хотѣлъ принести жертву родительской любви,—хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія; съ этою цѣлю я сталъ уже писать домой, чтобы успокоить ихъ; не

знаю почему, только мнѣ вдругъ пришло на мысль, отложить это письмо еще до слѣдующей почты. И что-же? черезъ день я получаю третье письмо, которое совершенно успокоило, оживило меня,—оно вполне соответствовало моему желанію. Видно, что первыя два письма были написаны подъ влияніемъ еще перваго впечатлѣнія, такъ неожиданно поразившаго ихъ; третье письмо уже показываетъ, что они разсматривали это дѣло не подъ влияніемъ одного чувства, но и разсудка; добрѣйшіе, неоцѣненные Папенька и Маменька! Благодарность сердечная, искренняя и Вамъ, братецъ, потому-что Ваше письмо много имѣло вліянія на третье письмо Папеньки.

Итакъ, я со стороны самого себя и родителей—свободенъ; но встрѣгилось другое, постороннее пренятствіе! — Двое профессоровъ изъ Казанскаго Университета просятъ на наши мѣста: одинъ изъ нихъ заслуженный, семейный человѣкъ; если одинъ изъ нихъ не поѣдетъ, то я надѣюсь быть въ числѣ миссіонеровъ, а вѣроятно, что одинъ изъ нихъ останется здѣсь: во 1) потому-что одинъ изъ нихъ семейный человѣкъ, по этому онъ не разстанется со своею семьею на 10 лѣтъ, и просится только на 5 лѣтъ; во 2-хъ, онъ ѣдетъ собственно не для китайскаго языка, а для своего предмета, слѣд. это несообразно съ цѣлью миссіи. Теперь посланы къ нимъ условія Азіатскаго Департамента; если они не согласятся, то изъ нашей Академіи вмѣсто двонхъ будутъ требовать тронхъ или четверыхъ. — Къ 3-му іюля вѣроятно все это уже будетъ рѣшено; тогда я или ѣду домой, или—остаюсь здѣсь, а домой отправлюсь уже въ концѣ ноября, и тамъ пробуду числа до 10 Генваря...

(Продолженіе съ тудусть)
